

Вѣглыя замѣтки.

„Не красна изба углами“ вотъ что думается, когда приходишь къ павильону Сибири, ждешь, что она окажется „красна пирогами“ и не ошибаешься, если попадешь въ эту избу со стороны павильона Брянскаго завода. Прямо передъ вами два стола и на нихъ вылъплены рельефныя карты Нерчинскаго и Алтайскаго горныхъ округовъ. Карты сдѣланы хорошо, мѣсторожденія и разработки рудъ показаны на нихъ шариками золота, серебра, угля, и пестрыми. Последнιά указываютъ розсыпи самоцвѣтныхъ камней. Смотришь на эти горы и понимаешь, что есть „золотое дно“. Смотришь еще и видишь что изслѣдованныхъ мѣсть въ обоихъ округахъ гораздо меньше, чѣмъ неизслѣдованныхъ. Чувствуешь гордость, ибо, по словамъ знаменитыхъ металлурговъ, горы Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ силошь рудоносны, значить въ Сибири золота осталось много, тѣмъ болѣе, что за все время разработки, — до „жильнаго“ золота еще не добрались, — эксплуатируются только розсыпи и можно безошибочно предсказать, что въ верхнихъ тѣхъ рѣчкахъ, по берегамъ которыхъ открыты розсыпи, существуютъ богатѣйшія жилы. Рѣчекъ по Алтаю и другимъ хребтамъ Сибири бездна, — на картѣ горы всѣ почти покрыты голубой сѣтью извилистыхъ линій, показывающихъ теченіе рѣкъ.

Населенныя мѣста попадаются на картѣ такъ рѣдко, что напоминаютъ о кускахъ мяса въ супѣ нищаго. По обѣимъ сторонамъ этихъ картъ два громадныхъ шара показываютъ количество добытаго металла. Въ Нерчинскомъ округѣ добыто съ 1835 г. 9.580 пуд. на 191,200.000 р.; въ Алтайскомъ съ 1831 г. взято 3.687 пудовъ на 73,440.000. Сколько серебра? Не показано. Мѣди, свинца, угля тоже не показано. А сколько самоцвѣтовъ? И это не показано. Предположимъ, что все это ни чуть не интересно и будемъ смотрѣть дальше. Навѣрное гдѣ-нибудь показаны условія добычи руды, приемы ея обработки, жизнь шахтеровъ, устройство шахтъ и все, что нужно показать для того, чтобы всѣ эти вещи: куски металловъ и минераловъ въ сыромъ и обработанномъ видѣ были понятны. Очень хочется знать, кто, чѣмъ и какъ вытаскилъ изъ земли эти 10.000 пуд. золота и далъ государству за 30 лѣтъ почти 300,000.000 золотыхъ рублей, не считая серебряныхъ и мѣдныхъ, не принимая во вниманіе драгоценныхъ камней. Кто они, эти добрыя гномы, снабжающіе отечество презрѣннымъ, но необходимымъ металломъ? Какъ это они дѣлаютъ и какъ они при этомъ проживаютъ? И такъ, ищемъ.

Вотъ какая-то неуклюжая машина. Оказывается, что въ Сибири въ 1763 году былъ нѣкій Иванъ Ивановичъ Ползуновъ. Сей самый Иванъ Ивановичъ изобрѣлъ паровую машину — котерая, въ модели конечно, здѣсь и представляется. Машина очень грубовата, но построена на тѣхъ-же самыхъ принципахъ, на которыхъ Аркрайтъ, Уайтъ, Мордонъ, Стефенсонъ и Фультонъ построили свои станки, моторы, локомотивы и приобрѣли себѣ за это безсмертную славу. Иванъ Ивановичъ Ползуновъ всѣхъ ихъ опередилъ Аркрайта съ Уайтомъ на 6 лѣтъ, Стефенсона и Мордона на 21 годъ, Фультона еще болѣе, но Иванъ Ивановичъ славы себѣ не приобрѣлъ, хотя его машина и дѣйствовала въ одномъ изъ казенныхъ рудниковъ Алтая въ 1764 году. Затѣмъ... а затѣмъ Иванъ Ивановичъ исчезъ безслѣдно, а машина его была признана неудобной и сложена въ сарай. Больше ничего. Прошло съ той поры 132 года, и вотъ эта машина выставлена на „праздникъ русской промышленности“. Для чего? Очевидно для того, чтобы показать публикѣ, что мы примѣняли паръ въ области горной промышленности гораздо раньше, чѣмъ всѣ другія націи примѣняли его къ чему-либо, но опередивъ всѣхъ въ этомъ отношеніи, мы, должно-быть, по великодушію нашему, хвастаться своимъ изобрѣтеніемъ предъ Европой не хотѣли, изобрѣтеніе сломали и имъ не пользовались до поры, пока Европа насъ не догнало, и не прислала намъ своихъ паровыхъ машинъ. Весьма поучительно, но чрезмѣрно нелѣпо и очень грустно.

Оставимъ Ивана Ивановича покоиться во прахѣ и слѣдуемъ дальше. Все разнообразіе минеральныхъ породъ Сибири — ихъ тутъ 44 — представлено въ видѣ грота очень оригинальнаго, украшеннаго надъ входомъ въ него медальономъ Императора Александра III изъ рѣдкой яшмы, медальонъ держитъ въ лапахъ орелъ изъ какого-то тоже рѣдкаго камня. Орелъ, въ свою очередь, прикрѣпленъ къ овалу изъ розоваго орлеца. Работа замѣчательно тонка и отчетлива, какъ и всѣ работы Императорской гранильной мастерской въ Екатеринбургѣ. Ихъ тутъ масса и всѣ онѣ поразительно хороши: вазы изъ яшмы, порфиръ, орлецы, рѣдкіе виды

кварца — все это вырѣзано въ разнообразныя кубки, вазочки, и все это изумляетъ своею художественностью. Особенно хороши три „пано“ — цвѣты и узоры, вырѣзанные изъ орлеца и предназначенныя въ храмъ Воскресенія въ Петербургѣ, на мѣстѣ событія перваго марта. Камень кажется не рѣзаннымъ, а какъ-бы лѣпленнымъ. Затѣмъ въ витринѣ, противъ входа помѣщенъ атласный ящикъ и въ немъ чудныя, мельчайшей рельефной рѣзьбы кубки, вазы и разныя бездѣлушки, точно выточенныя, хрупкія, воздушныя. Чѣмъ это дѣлается? Какіе инструменты способны придать твердому, какъ сталь, камню, эти легкія, воздушныя формы? Кто эти художники, рѣжущіе изъ камня цвѣты и обладающіе столь тонкимъ вкусомъ, столь увѣренной рукой, такъ хорошо развитымъ чувствомъ мѣры? Отвѣта нѣтъ.

Неизвѣстно, кто, какъ и чѣмъ дѣлаетъ чудеса изъ камня, хотя слѣдовало-бы хотя въ видѣ фотографіи показать приемы и условія работъ въ Екатеринбургской гранильной мастерской. И даже очень слѣдовало-бы — не такъ-ли? Дальше, однако. Вотъ большіе куски изумрудовъ, самородки золота. И то, и другое въ неотдѣланномъ видѣ, грязновато и не производитъ никакого впечатлѣнія. Всюду куски рудъ за стеклами витринъ, въ углу — уголь

И ничего, что-бы поясняло все эти образцы горной промышленности двухъ громадныхъ районовъ Сибири, что-бы рассказывало, какъ добывается и обрабатывается руда — нѣтъ. Впрочемъ высоко на стѣнѣ помѣщены пейзажи сибирской природы, въ одномъ мѣстѣ изображено даже какъ „старатели“ промываютъ золото. Но — и только. Это все, что дано въ видѣ пояснительной иллюстраціи къ образцамъ трудовъ сотенъ и тысячъ населенія горныхъ округовъ Сибири.

Нѣкто X.